

Прокопъ Чубъ.

(Переходный типъ кобзаря).

А. А. Русовъ въ своей статьѣ: „Остапъ Вересай, одинъ изъ послѣднихъ кобзарей малорусскихъ“, указалъ разницу, существующую между кобзарями, которые уже почти окончательно исчезаютъ, и лирниками, встрѣчающимися еще довольно часто. „Эта разница касается и формы и, главнымъ образомъ, содержанія. Кобза и лира—два совершенно различные инструмента, и отношеніе между ними такое, какое существуетъ, напр., между гитарою и скрипкою: на кобзѣ перебирать нужно пальцами по струнамъ, при посредствѣ чего и издается звукъ; на лирѣ же исполнитель перебираетъ пальцами по клавишамъ, а звукъ издаетъ круглый смычокъ, вправленный внутрь ея. *) Оттого звукъ кобзы напоминаетъ арфу, гитару, фортепьяно, звукъ же лиры сопровождается шипѣніемъ, скрипѣніемъ, крикомъ и, вслѣдствіе безконечности смычка, представляетъ непрерывную нить, не поддающуюся требованіямъ сдѣлать иногда фермату, *crescendo*, *diminuendo* и т. п. Тогда какъ кобза можетъ отмѣчать всѣ эти оттѣнки, лира способна только на замедленіе или ускореніе темпа. Такая же разница и между исполняемыми, при томъ или при другомъ инструментѣ, словесными произведеніями. Кобзарь, какъ всякій эпическій пѣвецъ, поетъ пѣсни духовнаго содержанія (стихи), пѣсни героико-эпическія и, наконецъ, сатирическія, тогда какъ лирники думъ вовсе не знаютъ; ихъ репертуаръ составляютъ: 1) псалмы, 2) нравоучительныя пѣсни, 3) сатирическія пѣсни, 4) шуточные пѣсни, главнымъ образомъ

*) Рисунокъ лиры и ея описаніе были даны нами въ предыдущей кн. «Этногр. Обзорѣнія». Рисунокъ кобзы (и торбана) можно видѣть, напр., въ послѣдней (мартовской) книжкѣ «Кіевской Старины», въ качествѣ приложенія къ статьямъ А. А. Русова Н. В. Лысенка о торбанистахъ Видортахъ.

циническія и, наконецъ, 5) разнообразныя плясы и козачки; но „богатырскихъ нисень“, какъ они сами называютъ историческія,—не знаютъ“. Къ этому считаемъ возможнымъ присоединить и третье отличие кобзаря отъ лирника, касающееся исключительно ихъ пѣнія. Насколько намъ пришлось слышать лирниковъ и кобзарей, первые поютъ крикливымъ, гнусливымъ голосомъ, тогда какъ пѣніе кобзарей отличается большей естественностью, а потому и пріятностью; они поютъ тихимъ, пріятнымъ, хотя въ большинствѣ случаевъ и старческимъ голосомъ. Разница эта обуславливается, конечно, инструментами, на которыхъ тѣ и другіе аккомпанируютъ своему пѣнію. Въ то время, какъ лира, по отзыву Вересая, „крычитъ та пыщитъ, шо ажъ въ хати иноди ничего не чутно,—кобза... добре дило: тихеньке воно, поважлыве!“ Конечно, и пѣвцу, аккомпанирующему на лирѣ, приходится, поэтому, напрягать свой голосъ, выкрикивать слова, чтобы слушатели могли разобрать его пѣніе; поющій же подъ аккомпаниментъ кобзы не нуждается въ этомъ, такъ какъ тихіе, мелодичныя звуки бандуры не заглушаютъ его голоса. Вслѣдствіе привычки пѣть подъ извѣстный инструментъ, вырабатывается у лирниковъ и кобзарей и извѣстная манера пѣнія, которой они не измѣняютъ, хотя-бы пѣли и безъ всякаго аккомпанимента. Эта разница особенно сильно выступаетъ, когда въ одно время приходится слушать и кобзаря и лирника, поющихъ подъ аккомпаниментъ одного и того-же инструмента. Въ прошломъ году намъ пришлось слышать совмѣстное пѣніе кобзаря Прокопа Чуба и лирника Никона Кожуховскаго (при чемъ разъ аккомпанировалъ Чубъ на кобзѣ, другой—Кожуховскій на лирѣ): въ то время, какъ Чубъ и при игрѣ на лирѣ не возвышалъ голоса, Никонъ, при игрѣ на кобзѣ, гнусилъ и выкрикивалъ. Эту разницу намъ пришлось наблюдать не одинъ разъ, и потому ее нельзя считать единичнымъ, частнымъ явленіемъ.

Чѣмъ дальше, тѣмъ все меньше и меньше интересуется нашъ простой народъ „богатырскими писнями“; воспѣваемые въ нихъ герои и событія позабыты уже народомъ. „Люде старыхъ писень не слухаютъ (жалуется кобзарь Иванъ Крюковскій). Що прежде старики колысь звали спивать имъ, а теперъ молоди все позабували; ёму спивай про старовину, а винъ не знае, шо воно таке и е. Теперъ я такъ, для себе граю, да отъ колы хто зъ панивъ поклыче, то граю имъ *)“. Въ этомъ кроется главная причина постепеннаго, почти уже совершившагося исчезновенія мало-

*) «Кіевская Старица», 1882 г. дек.

русскихъ кобзарей, какъ пѣвцовъ извѣстнаго рода словесныхъ произведеній, именно думъ. Попадающіеся все еще изрѣдка кобзари, уступаая вкусу своихъ слушателей, поютъ уже имъ духовные стихи, пѣсни бытового, сатирическаго и комическаго содержанія, думы - же исполняются только по просьбѣ болѣе свѣдущихъ въ исторіи Малороссіи слушателей. Довольно рѣдко приходится кобзарю пѣть свои думы, вслѣдствіе чего онъ самъ мало по малу забываетъ ихъ; такъ, Крюковскій съ трудомъ могъ припомнить только нѣкоторые отрывки думы „Самійло Кишка“. И своимъ ученикамъ, вмѣстѣ съ игрою на кобзѣ, старые кобзари передаютъ не думы, которыя теперь мало доставляютъ дохода, а псалмы да бытовые пѣсни, которыя считаются болѣе доходной статьей. „Якъ есть де люде хорошіи“, — говоритъ Вересай:—„да тамъ чи сынъ пишовъ у службу, або на заводъ, або удову яку бидну зять зневажае, до якъ заграешъ имъ таке саме, що воно въ голову имъ лизе,—плачутъ навкругы тай годи“; а растрогавъ своихъ слушателей, кобзарь уже можетъ быть увѣренъ въ хорошемъ вознагражденіи. Являются, поэтому, кобзари, которые совсѣмъ уже не знаютъ думъ. Представителемъ такого рода кобзарей, которыхъ мы назовемъ переходными (отъ прежняго пѣвца думъ, аккомпанирующаго на кобзѣ, къ лирнику), и можетъ служить Прокопъ Чубъ, котораго намъ удалось слышать лѣтомъ 1889 г. въ Нѣжинѣ, и отъ котораго записаны помѣщаемые ниже пѣсни и псалмы. Чубъ не знаетъ ни одной думы; содержаніе его репертуара такое-же, какъ и у любого изъ лирниковъ; отъ послѣднихъ онъ отличается только инструментомъ да указанной уже манерой пѣнія.

Прокопъ Михайловичъ Чубъ, изъ с. Мокіевки, Нѣжинскаго уѣзда, родился въ 1841 г. Четырехъ лѣтъ отъ роду онъ ослѣпъ отъ оспы; съ 16 лѣтъ сталъ учиться игрѣ на торбанѣ и бандурѣ у другаго кобзаря, Овсія. Подробностей обученія не стану описывать, такъ какъ онѣ уже изложены г. Русовымъ, въ упомянутой его статьѣ, и г. В. Боржковскимъ, въ статьѣ: „Лирники“ („Кіевск. Ст.“, 1889 г., сент.). Чубъ женатъ, имѣетъ свое маленькое хозяйство, ходитъ по ярмаркамъ съ бандурой и собираетъ подающія. Въ Нѣжинѣ на ярмаркѣ онъ, въ большинствѣ случаевъ, ходитъ съ другимъ молодымъ слѣпцомъ, Никономъ Андреевичемъ Кожуховскимъ. Послѣдній родился въ 1867 г. въ Володьковой Дѣвицѣ, Нѣжинскаго уѣзда; играть на лирѣ учился онъ въ Галицѣ, у лирника Сморовоза. Репертуаръ пѣсенъ Кожуховскаго болѣе ограниченъ, чѣмъ Чуба, у котораго онъ, очевидно, старается перенимать незнакомыя еще пѣсни. Распѣваютъ они псалмы и пѣсни бытового и сатирическаго содержанія:

Исусе Прелюбезный, Сонъ Богородыци, про Ныколая, про Пъятницу, про Лазаря, Постовы стишки, У славномъ гради Іерусалыми, про Егорыя, Родъ Еврейскій, Шо въ лити являеть, Блудящій сынъ, Дывна твоя тайна; Вдову, Тещу, Мищанку, Дворянку, нѣсколько чумацкихъ пѣсенъ, про Хому да Ярему, Чечотку, Щиголя; кромѣ того, они играютъ разныя другія плясовыя пѣсни.

Приводимъ текстъ пѣсенъ изъ репертуара Чуба. Въ печатныхъ матерьялахъ найдутся къ нѣкоторымъ изъ нихъ варианты, но изъ другихъ мѣстностей и нетождественные.

1. Сонъ Богородыци *).

А свить матеръ Марыя, Дѣва Пресвятая,
Що зъ вечера Маты мало спала, що немножко, во снѣ сонъ выдала:
Се бо истынее чадо спородыла, спородившы чадые, споленыла,

Споленывши чадые, покрывала,

А шовковымъ поясомъ сповывала, золотою рызою сокрывала.

Якъ у славному гради у Іерусалыми,

Же на святой рѣки на Іордани, же на святой гори на вертепи,

Выростало жъ тамъ древо прысвятное, прысвятное древо кинперысное,

Проявився, Матушка, хрестъ чудовной,

Хрестъ чудовной й-а животворяющей.

— Самъ Я твой сонъ, Маты, знаю, самъ Я твой сонъ, Маты, росуждаю:

Охъ, и быть Мыни, Маты, на роспатыю,

Быть и Мыни, Матушка, кривавленому,

Ковіємъ ребро пробужденое, а терновой винецъ на главу зложылъ есы.

Якъ расплачеца маты Марыя, възрыдаеца Диво Пресвятая:

„Охъ, и Сыну жъ мой прелюбезной, чадо жъ Ты мое порожденое,

„За кого сюю муку прынимаешь, неповинную кровь святу проливаешь,

„На кого мене, Диву, спокыдаешь, кому мене возстановляешь?“

— Не плачь, не плачь, маты Марыя, не плачь, не плачь, Диво Пресвятая;

Не едыну тебе, Маты, спокыдаю, не едыну на дозору останавлию:

Спокыдаю тебе, Маты, на Ивана, zostавляю на дозору Богослову,

Да на хторое да на Хрыстовое на прышестве Сына Божего.

Нарицай, Маты, Івана своимъ сыномъ,

Называй своимъ чадомъ возлюбленнымъ,

Покудова Я, Матушка, наряжуся,

Покудова Я, Матушка, соберуся, да й на небеса вознесуся,

А й увъ дивы—плащеницы запышуся, у бесертному гроби исполжуся;

А по душу, Маты, Я ангела сошлю, а по мощы Я твойи Я самъ сойду,

Прыпокою Твойи мощы со святымы;

*) Бессоновъ. „Калѣки Перехожіе“. Вып. VI, стр. 175—235.

Прыпокойвшы мощы, приклонюся, приклонившыся, матушка, прощуся:
Прощай, прощай, маты Марыя, прощай, прощай, Диво пресвятая!

Напышу твое Я лыце на икони,
А поставлю Я у церкви у собори, же на правой руци на престоли,
Передь царьскими ўратамы, передь чудовными образами;
Шо туда будутъ люде прихаждаты, будутъ службы-молебни наныматы,
Землены поклоны одбываты, восковыи свичы поставляты,
Шо тебе будутъ, Маты, вельчаты, а Мене, Иуса Христа, прославляты.

Хто жъ сей сонъ перепыше, хто сей сонъ пересудыть,

А достоенъ вонъ буде въ царстви небесному,

А избавленъ вонъ буде одъ вишньої муки.

А мы поемъ стихи керовымьскыйи, а мы гласымъ гласа архангельскыйи.
Алилуя, алилуя, алилуя! А мы славимъ Тебе, Христе Боже нашъ!

2. Про Егорыя *).

У шестому году восьмойи тысячи была пры царю пры Янарыю,

Пры велькому князю инператору,

Жыла царица али Софія, свить премудрая, свить прехрабрая.

Родыла соби ажъ тры дочери, тры дочери, тры любимыйи,

Четвертого сына—свѣтъ Егорыя, свѣтъ Егорыя, свить премудрого.

Зъ туй стороны изъ неvirной найиздыла вира бесурменская,

Найиздывъ царище Даймоныще.

Вонъ старыхъ людей, вонъ рубыть-пленыть,

А млодыхъ людей во полонъ забравъ;

Вонъ заповенивъ ажъ тры дѣвыци, тры дѣвыци, родныхъ сестрыци,

Четвертого сына, свѣтъ Егорыя, свить премудрого, свить прехраброго.

Вонъ забравъ Егорыя въ свою сторону, вонъ начавъ Егорыя роспрашуваты:

„Ты скажы, Егорый, правду-истену. якого рода, якого племена?“

— „Злой же царище, царъ Деймоныще!

„Я тоби скажу правду-истену, якого рода, якого племена:

„Я есть рода богатырьского, царя Хвѣдора я й-отрокъ ёго, [хвабройи“.

„Матушки Сохвѣй свигъ премудройи, свить премудройи, свить пре-

Злой же царище, царъ Деймоныще, поначавъ Егорыя роспрашуваты:

— „Ты скажы, Егорый, правду-истену, якому ты Богу виру вируешъ?

Чы вируешъ Богу Иусу Хрысту, чы повирюешъ мыни, цару Дейману?“

— „Злой же царище, царъ Деймоныще! Я тоби скажу правду-истину,

Шо я вѣрую Иусу Хрысту и Владычыци Богородыци,

Святой Тройци нераздымой, не повирюю тоби, такому дяволу“.

Злой же царище, царъ Деймоныще, повилывъ Егорыя крѣпко мучыты

Усѣ страхамы превелькымы, всима мукамы розлюбѣшными;

Поначавъ Егорыя тупоромъ рубыть,—не добре Егорыя на тупоръ бере:

*) Кал. Пер. II, 393—524; III, 744.

Топору лезовъ выламуеца; Егорю тило возциляеца,
А въ майстра руди опускаюца, глаза ясныи прибражаюца.

Вонъ святой Егорый—Хрыстовъ мученикъ.

Злой же царыще, царъ Деймоныще, повеливъ Йигорыя по доскамъ водить,
По доскамъ водить, по гостромъ гвоздю,—не добре Йигорыя а гвозде бере:
У гвозди конци прыгынаюца, Йигорю тило возциляеца, а въ майстра
руди опускаюца;

Вонъ святой Йигорый—Хрыстовъ мученикъ.

Злой же царыще, царъ Деймоныще, повеливъ Йигорыя у смоли варить.
Шо смола кыпыть, яко громъ гремыть; поверху Йигорый вонъ плавае,
Вонъ пое стихи херувимскыи, вонъ гласыть гласа по-ерхангельскы.
Злой же царыще, царъ Деймоныще, повеливъ Йигорыя а въ води топыть,
А въ води топыть зъ билимъ каменемъ.

Шо вода бижыть, а камень лежыть, поверху вды Егорый плавае,
Вонъ молюца Богу Исусу Хресту и Владычыци Богородыци,
Святой Троицы неразделимой.

Злой же царыще, царъ Деймоныще, вывозывъ Йигорыя въ чистее поле,
Повеливъ копать широкой роздолъ:

Глыбыни роздолу 35 сажень, шырины роздолу 40 сажень;

Закыдавъ Йигорыя въ темную темныцу,

Накрывавъ доски все залѣзнымы, накатывавъ шлягамы все дубовымы,
Прыбывавъ гвоздемъ полужономы, прысыпавъ пискамы рудожовтымы,
Самъ прысыпавъ и прытоптувавъ, и прытоптувавъ, прыговарувавъ:
„Не бутъ тоби на святой Роси, не выдитъ тоби свита бѣлого,
„Не слышитъ тоби гласу Божего, гласу Божего колокольего“.

Онъ сыдѣлъ у тымныци, Богу молюца,

Онъ молюца Богу, ще й Сусу Хресту, а Владычыци Богородыци,
Святой Троицы нероздильной; онъ молюца Богу тридцать три года.

Изъ востока изъ правой стороны де й-узялся буйны витры:
Рудожовты пискы порозвивалы; полужоное гвозде вынималося,
Дубовыйи шлягы роскатылыся, залѣзныи доски открывалыся.

Выходять Егорый на святую Росу;

Повыдивъ Егорый свита бѣлого, свита бѣлого, сонця красного,
А послышавъ Йигорый гласу Божего, гласу Божего колокольего.

Вонъ пойшовъ Егорый въ Ерусалымъ-градъ.

Ерусалымъ-градъ—якъ пустынь пуста,

Только й-одна церковъ все суборная, все суборнаябо гомольная.

Стойить ёго матушка на молитвахъ;

Вона молюца Богу объ своему чаду, объ своему чаду, объ Егорю.

„Де, чадо, былъ, а де пробувалъ?“

— „Былъ я, матушка, въ дальнѣй сторонѣ, а у той земли у невірной.
„Прытерпивъ я муки роззловѣшной, прытерпивъ я страху прывеликого“.

„Матушка моя, благословы ты мене“!

— „Ты чадо мое, благословляю я тебе: пойды, чадо, въ чистее поле,
„Поймай коня багатырського дванадцатьмы цѣпьямы залѣзнымы,

„Возьмы соби мичъ булатную двадцать пять пудовъ всё важыною,

„Найижтай къ цару, цару Дейману,

„Одбывай ёму груди бѣлыйи, отплоти ёму дружбу прежнюю,

„Пролый ёму кровь змѣйиную, да втверды виру хрестолубымую“.

Вонъ святой Егоръ, Хрестовъ мученыкъ, найиздывъ Егорый къ первой

Икъ первой застави—икъ лютымъ звирямъ. [застави,

Звѣри со звирями сохождалися, главы съ главами склонялися,—

Никуда Йигорю ни пройихаты. Вонъ святой Йигорый проглаголюе:

„Ахъ, вы, звирь, вы сирь волкъ, розойдитесь, роступитесь

„По чыстымъ степамъ, по темнымъ лисамъ;

„Будете вы сыты безъ Егорыя“.—Та ёму застава мыновалася.

Вонъ святой Егорый проийжаючи и книгу Евангелію прочытаючи,

Хрестыанскую вѣру утверждаючи,

Найижжавъ же Егорый къ другой застави,

Икъ хторый застави—икъ тѣмнымъ лисамъ.

Лиса со лисамы сохождалися, голые изъ голыамы исклонялося,—

Никуда Егорыю не пройихаты. Вонъ святой Егорый проглаголюе:

— „Охъ, вы лисы, вы дремучыйи, роступитесь, росойдитесь,

„Во буду я васъ рубыть-поленыть, рубыть-поленыть все церкви строить,

Всѣ суборныйи, богомольныйи“. Та ёму застава мыновалася.

Та святой Егорый проийжаючи, книгу Евангелію чытаючи,

Вонъ святой Егорый, Хрестовъ мученыкъ, проийжавъ же Егорый къ

Икъ третей застави—икъ крутымъ горамъ. [третей застави,

Горы изъ горамы всѣ сохождалися,—а никуды Грыгорыю а пройихаты.

— „Ахъ, вы, горы, вы толкучыйи, росойдитесь, роступитесь,

„Во буду на васъ все церкви строить, все церкви строить и службы

Та ёму застава мыновалася. [служить“.

Вонъ святой Егорый проийжаючи, книгу Евангелію чытаючи,

Хрестыанскую виру утвержаючи, [быстрымъ рикамъ.

Найиздывъ Егорый къ четвертой застави, къ четвертой застави — икъ

Рикы зъ рикамы все сохождалися, воды зъ водами все зывалыся,—

Никуды Егорыю ни пройихаты. Вонъ святой Егорый проглаголюе:

— „Ахъ, вы рикы, вы быстры воды, роступитесь, росойдитесь,

„Я буду на васъ й-а йорданъ рубыть, я йорданъ рубыть и воду святыть,

„И воду святыть, и людей хрестыть“.—Та ёму застава мыновалася.

Вонъ святой Егорый проийжаючи, книгу Евангелію чытаючи,

Хрестыанскую виру утвержаючи, найиздывъ Егорый къ пятой застави,

Икъ пятой застави—икъ трѣмъ дивицамъ,

Икъ трѣмъ дивицамъ, икъ трѣмъ сестрыцамъ.

Вылы на ёго позвирыному,—никуды Йигорыю ни пройихаты.

Вонъ святой Егорый проглаголюе: — „Ахъ, вы, дивыци, родны

„Пойдите вы у Йорданъ рiku, обмойте вы тило билое, [сестрыци!

„Бо на васъ тило, како дубъ-кора, на васъ волоса, како мыхъ-трава;

„Не вируйте виры бесурменьскойи, повѣруйте виру хрестыанскую,

„Хрестыанскую, привославную“. Та ёму застава мыновалася.

Вонъ святой Егорый пройижжаючи, книгу Евангелію читаючи,
 Хрестыанскую виру утвержаючи;
 Вонъ святой Егорый, Хрестовъ мученыкъ, найиздывъ Йигорый къ ше-
 къ шестой застави — къ царьскому дворцю. [стой застави,
 Седыть на вратахъ птыця гострая, а въ кыхтахъ держыть кыть-рыбу, —
 Никуды Егорыю не пройихаты. Вонъ святой Егорый проглаголюе:
 — „Ахъ ты, птыця, птыця гострая!

„Ты леты, птыця, въ чыстее поле, пусты кыть-рыбу у сынее море;
 „Будешъ ты сыта безъ Егорыя; йижъ ты, птыця, благословеное“.

Та ёму застава мыновалася.

Вонъ святой Егорый пройижжаючи, книгу Евангелію читаючи,
 Хрестыанскую виру утвержаючи, найиздывъ Йигорый къ царьскому крыльцю,
 На крыльцю стойить а царъ Дейманъ,
 Свыстыть на ёго погадыному, реве на ёго позвирыному:

„Ахъ ты, Йигорый, Хрестовъ мученыкъ!

„А чы ты прыйшовъ, чы прыйхавъ, чы пыть, чы гулять, чы бесѣдувать?“

— „Злой же царыще, царъ Деймоныще! Непыть, не гулять, не бесѣдувать, —

„Одбью тоби груди бѣлыи, изному тоби всё главу ись плечъ,

„Пролью тоби кровь змѣйиную, да втвержу виру хрестолюбывую“.

— „И, святой Егорый, Хрестовъ мученыкъ!

„Дай мни вельготы хоть на тры года, а не на года, хоть на тры часа“.

— „Злой же царыще, царъ Деймоныще! не дамъ я вельготы не на мину“.

Да й знявъ ёму всё главу ись плечь, прольвъ ёму кровь змѣйиную,

Да втвердывъ виру хрестолюбывую, хрестыанскую, привославную,

А самъ пошовъ въ Ерусалымъ градъ, въ Ерусалымъ градъ Богу мобляща.

Мы ныни поемъ ему славу, мы славимъ Тебе, Хрысте Боже нашъ!

3. Ч у м а к ъ.

Ой ходывъ же чумакъ симъ годъ по Дону,

Да й не было прыгодонькы неколы ёму,

Да й не было ой да й прыгодонькы одъ роду (bis).

Случыласъ ёму прыгода зъ Дону идучы,

Стала жъ ёму прыгода зъ Дону идучы,

Въ чыстомъ поли ой да й кры дорози да волы пасучы.

Упавъ же чумакъ, упавъ да й лежыть,

Нехто ёго ой да не спытае, што въ ёго болыть.

Болыть же жывить, болыть голова;

Зостаюця малы диткы, жинка й молода (bis).

А товаришь ёго пытае ёго...

„Ой товаришу, родный брате, не выдай мене,

„Беры мойи волы и грошы, поховай мене“.

Ой у Ъевеи на Подоли задзвонны въ дзвинь, —

Се жъ по тому чумакови, шо ходывъ на Дынъ.

4. Про мищанку.

Якъ задумавъ мужычокъ мищаночку взяти.
 Вона ёму искажала: „Я не вию жаты, (2)
 „Вуде твоя пшениченька въ поли зимоваты.
 „Ой ты знавъ, на що бравъ мищаночку зъ миста,
 „Я не йила и не буду гречаного тиста“. (2)
 „Зробивъ винъ їй новый серпъ, щобъ учылась жаты;
 Якъ кинула новый серпъ та попередъ себе:
 „Не мала я у батенька, не буду й у тебе“ (2)
 „Зробы хату и комнату, буду шынковаты;
 „Напны мыни холодокъ, я буду лежаты“. (2)
 Пойихавъ же мылый у поле ораты;
 Ёго мыла чорнобрыва до корчмы гуляты. (2)
 Оре, оре мылый, на шляхъ поглядае:
 „Чужы жинкы обидъ несуть, моеи чортъ-мае! (2)
 „Чогось моя мыла обидъ прыпызныла:
 „Чы не знае, де ору, въ поли заблудыла?“ (2)
 Доорався мылый до сухого лану,
 Выпрягъ кони изъ сохи, пойихавъ до дому. (2).
 Йиде мылый съ поля та постогнуючы,
 Ёго мыла изъ корчмы та выгукуючы. (2)
 Прийихавъ мылый съ поля,—лежыть мыла нездорова:
 Натяглася гарилочки, лежыть якъ корова. (2)
 „Ой ты, моя мыла, давай мыни йисты?“
 — „Ты жъ бувъ, мылый, въ поли, я була на мисци, (2)
 „Якій жъ бы тамъ вражий батько наготовывъ йисты? (2)
 „Шкорыночка на полыци, кошба не дойила,
 „Бапусточка подъ лавкою ище не зводылась—(2)
 „Девъятая недѣля, якъ въ печи кипила;
 „Хоть йижъ, хоть не йижъ, чыны мою волю:
 „Иды стань да поскакай гайдуга передо мною“. (2)
 Старый старычыще узявсь у бочыща:
 „Дывысь, моя лыла, який гайдучыще!“ (2)
 — „Охъ, дывиця, люде, що изъ цѣго буде,
 „Шо я свого мужыка научыла гайдуга:
 „Не йившы, не пывшы, скаче одурившы“. (2)
 Охъ, той же мужычокъ не схотивъ скакаты;
 Вона ёго за чупрыну тай вывела съ хаты. (2)
 Выла мыла мужыка, пишла позываты;
 Присудылы вражи люде мылойи прохаты! (2)
 Стоить мылый у порога, шапочку изнявши;
 Сыдыть мыла на покути, ножки пидбравшы.
 „Просты жъ мене, мыла, що ты мене была;
 „Буплю тоби цеберъ меду и коновку пыва“.

— „Шо й отъ пыва болыть спина, а одъ меду голова,—
 „Купы мыни горилочки, щобъ я весела була.
 „Я жъ тоби, мій мыленький, роботать не велю,
 „Далеби не велю, ей-богу не велю:
 „Дровецъ, мылый, нарубай, и лучыны наскипай,
 „И мукы намелы, и горилкы розгадай,
 „Сядь соби на покути и ноженькы подобгай.
 „Якъ пыла я горилочку, такъ и буду пыты,
 „Якъ я была мужыка, такъ и буду быты!“—
 Была жинка мужыка, къ стовпу привъязавшы.
 Была мыла мужыка, у помойныцю товкла,
 Изъ помыныци вытягала, качалкою потягала.
 Научала мене мать, якъ мужа шанувать:
 Хорошенько водить по крапыви голякомъ, а по морозу босакомъ,
 Щобъ не заросывся и щобъ не замочывся.

5. Про Хому да Ярему.

Послушайте, господа, я вамъ ричъ зговору,
 Я вамъ ричъ зговору про Ярѣму, про Хому.—
 Шо Хома да Ярема—то родныйи браття,
 Шо на Хоми та Яреми одинакове плаття:
 Носывъ Хома кобенякъ, а Ярема ходывъ й такъ;
 Носывъ Хома подране, а Ярема безрукаве.
 Боны шатко ходылы и сласно ужывалы:
 Ужывалъ Хома часнычокъ, а Ярема редьку,
 Такъ Хома наскобывъ, а Ярема накрошывъ,
 Такъ Хома хлѣбонувъ, а Ярема сербонувъ.
 Взяло Хому за высокъ, а Ярему зверху.
 И розбиглыся и посердылыся,
 Избиглыся до купочки, опять порадылыся:
 „Худо, брате, наше дило и такъ проживаты...
 „Ото, брате, наше дило: нумо по шляхамъ стоять,
 „Да людей розбивать, соби денежки збыратъ“.
 Ставъ Хома у кущи, а Ярема подъ кустомъ,
 Взявъ Хома дубину, а Ярема свидину,
 Взявъ Хома товстую, а Ярема тонкую.
 Тры недѣли стоялы,—никого въ вичи не выдалы;
 На четвертую недѣлю иде панъ дворянынъ—
 То боярьскій сынъ, Хому за лобъ уловывъ,
 Бывъ Хому кулакомъ, а Ярему товчки;
 Пошовъ Хома крычучы, а Ярема мовчки.
 Тогда розбиглыся и посердылыся,
 Збиглыся до купочки та й зновъ порадылыся:
 „Охъ, и худо, брате, дило и такъ проживаты;

„Ото наше, брате, дило: горшки торговаты“.
 Купывъ Хома горшковъ, а Ярема макотривъ.
 Ставъ Хома на гори, а Ярема пидъ горою.
 Хомушкаякъ покотывъ, такъ и Яремыиы побывъ, соби шкоды наробывъ.
 — „Худо, брате, наше дило и такъ проживаты!
 „Ото, брате, наше дило: билу силъ продаваты“.
 Купывъ Хома визъ, а Ярема два;
 Ставъ Хома у торзи, а Ярема пры дорози.
 Мирытъ Хома горшкомъ, а Ярема корякомъ;
 Тамъ Хома задримнувъ, а Ярема такъ заснувъ;
 Шо въ Хома силъ розыкралы, а въ Яремы такъ забрали.
 — „Худо, брате, наше дило и такъ проживаты!
 „Ото наше, брате, дило— у поли хлиба пахаты и свою душу вославлять“.
 Купывъ Хома вола, а Ярема коня;
 Запригъ Хома въ борону, а Ярема въ соху.
 Такъ Хома нукнувъ, а Ярема тпрукнувъ;
 Шо Хома не везе, а Яремынъ такъ не йде;
 Такъ Хома своего вбывъ, а Ярема живого облупывъ.
 — „Худо, брате, наше дило и такъ проживаты!
 „Ото наше, брате, дило—на скрыпци играты,
 „Добрыхъ людей звеселять, соби денежки збыратъ“.
 Купывъ Хома скрыбку, а Ярема гусли;
 Пишовъ Хома до попа, а Ярема до дяка.
 Тамъ за-для йихъ попъ разгулявся:
 За Хоמוю, за Яремой зъ дубыною гнався,
 Бывъ Хому по спыни, а Ярему по шыйи.
 Такъ Хома не встоявъ, своего брата наганявъ.
 — „Худо, брате, наше дило и такъ проживаты!
 „Ото, брате, наше дило: нумо овцы попасать, та молоко попывать“.
 Купывъ Хома кизку, а Ярема овцю;
 Пошовъ Хома у лужокъ, а Ярема у лисокъ.
 Охъ, тамъ за-для йихъ де не взявся вовкъ лыхый,—
 Хомаину задавывъ и Яремыну задушывъ.
 — „Охъ, худо, брате, наше дило и такъ проживаты;
 „Ото, брате, наше дило—на охоту ходыть,
 „На охоту ходыть, сирыхъ вовковъ ловыть, господамъ шубы шыть“.
 Купывъ Хома сучку, а Ярема хорта;
 Купывъ Хома кривого, а Ярема слипого.
 Пошовъ Хома у лужокъ, а Ярема у лисокъ;
 Тамъ Хома гукнувъ, а Ярема тукнувъ,—
 Такъ Хома не бижить, а Яремынъ давно лежить.
 — „Худо, брате, наше дило и такъ проживаты!
 „Ото, брате, наше, дило: чужы инбары скрадать да соби худобу збы-
 Полизъ Хома у комору, а Ярема у инбаръ. [вать“.
 Тамъ Хому заскочылы, носакамы покотылы.

А Ярему-небораку за чупрыну та-й пидъ с..ку.
 — „Охъ, и худо, брате, дило и такъ проживаты!
 „Ото, наше, брате, дило: нумо до церкви ходыть,
 „Да Богу молыця и Спасу клоныця“.
 Пишовъ Хома въ церковь, а Ярема увъ овтаръ;
 Ставъ Хома за дяка, ставъ Ярема за попа,
 Взявъ Хома книжку, а Ярема кадыло,
 Ставъ Хома чытаты, а Ярема скакаты.
 Де взявся паламаръ, того дилу господаръ, тамъ йимъ ребра поломавъ,
 Наробыли воны вдвохъ повну церкву крыку.
 Тикавъ Хома, окномъ, а Ярема двирми;
 Шо Хомушка якъ зависъ, такъ и Ярему прытись;
 Тамъ Хома выщыть, а Ярема пыщыть.
 И розбиглыся, и розсердылыся,
 И збыралыся до купочки, зновъ порадылыся:
 — „Худо, брате, наше дило и такъ проживаты!
 „Ото, брате, наше дило: коло рички билу рыбку ловыть,
 „Свою думку робыть“.
 Купывъ Хома човенъ, а Ярема лотку,
 Купывъ Хома безо дна, а Ярема безъ боку,
 Йихавъ Хома на рику, а Ярема на быстру,
 Поймавъ Хома окуня, а Ярема плотку.
 Якъ возъйихалыся, такъ и возрадовалыся,
 Якъ возрадовалыся, такъ и вывернулыся;
 Порнувъ Хома на дно, а Яремы уже й невыдно.
 Тягнуть Хому вгору, а Ярему къ бѣчку.
 Шо по Хоми плачуть, а по Яреми скачуть;
 Шо по Хоми дзвонять, а Ярему хороняты;
 По Хоми подзвонялы и Ярему схоронялы.
 Якымъ торгомъ торговалы, — такъ воны соби обыдва й пропалы.
 Обойимъ вѣчная памѣять!

6. П р о в д о в у.

У Києви на Подоли зеленая сосна прошумила.
 Ой то не сосна прошумила, — то бидна вдова, нещастна старая жена
 Изъ своймы диткамы говорила.
 Ой вона горко горювала, хлибъ-силъ одробляла,
 И свойи диты маленькыйи воспытала.
 Якъ стали йи диты подростаты, не стали свою матиръ поважаты.
 Горкымы словамы неприятымъ докоряты,
 Сталы по большыхъ частяхъ изъ хаты проганяты.
 Вона керезъ поригъ ступала, за слѣзамы Божого свиту не выдавала;
 Вона изъ тоскы изъ печали да зъ ногъ повалылася.
 Старый сынъ коло окошка сыдыть, посмотряе

И на младшого брата изгрозна словами промовляе:

„Ой ты, младшій братъ, иды своей матери пидвождагы,
„Вона напылась блуда-вына, не можетъ вона на ногахъ устояты“.

Вона сказуе: „Диточки мойи, голубъята!

„Третій день, якъ хлибъ увъ устахъ держала

„И холодною водою уста свои прокропляла;

„Така мене вельмы превелыкая досада напала,

„Якъ я въ свити горко горювала, да васъ воспытала,

„Якъ я горко горюнала и хлибъ-силъ одробляла,—

„Така мене горка превелыка досада напала“.

Лежыть удова, старая жена.

Керезъ удовыченького двора иде чужая чужина, молодая челядына;

Керезъ дворъ прохождае и до старойи вдовы стыха словами промовляе:

„Ой ты, вдово стара, иды до мене ў доми прожываты;

„Буду я хлибъ-силъ одробляты, а тебе буду до смерти воспытаты“.

Вона возняла рукою и плакала-рыдала:

„Ой ты, чужая чужаныця, молодая челядына!

Возьмы мене до себе у домъ прожываты, буду сини, хату пидметаты,

Якъ е въ тебе маленьки диточки,—буду день и ничъ колыхаты,

Янъ ты не дасы мыни, молода челядына, подъ тыномъ погыбаты“...

Вона одъ двора одходыла, ўпередъ Господа мылосердного попросыла,

Заразъ йи дитямъ хвортуна не служыла: *)

Стало на йихъ двoryщы зело и бурьянъ поростаты,

И не сталъ йимъ Господъ помагаты

Не въ купечестви, не въ ремесли и не у трейгѣмъ—пахаретви;

Стала на йихъ двoryщы худоба схождаты,

Стамы йихъ люде не за що не маты,

А двoryще пожаромъ, прахомъ прыпадаты.

Младшій сынъ по двору прохождае и нову хату выставяе

И до старшого брата стыха словами промовляе:

„Ой ты, старшій брате, того се намъ не ставъ Господъ помагаты,

„Що удовы старой матери въ господи немає.

„Ой ходимо, брате, своей матери ўдоми благаты,—

„Чы не буде намъ, брате, Господъ помагаты“.

Ой у выделю, въ воскресный день въ уси дзвоны дзвонять,

То не дзвоны дзвонять, а то удовыны удовыченькы

Въ своей матуси извыненія то просятъ:

„Ой ты, вдово, стара наша маты, иды до насъ ў домъ прожываты,

„Будемъ свойи подрузи прыпынаты, ще и маленькихъ дитокъ научаты“.

Вона на йихъ прозбы не вповала, только йихъ вельмы маленькихъ
дитокъ сожалила.

Якъ стала старая удова, старая жена на йихъ двoryщы прожываты,

*) «Не ставъ йимъ Богъ помагаты; якъ Богъ не помагае, то кажутъ, що хвортуна не помагае». (Объясненіе пѣвца).

Стало на ихъ дворищы зело-бурьянъ посыхаты, ставъ йимъ Господь
И въ купестви, и въ реместви, и у третёму—пахарстви; [помагаты
Стала на ихъ дворищы худоба прихаждаты и цвиль прахомъ опадаты;
Ставъ йимъ Господь помагаты, и стали ихъ люде поважаты,
Слава Отцу и Сыну и святому Духу!

7. П р о т е щ у.

Присвятойи Тройцы! Слушайте, хлопци, слушайте молодци!

Сей день испостыты—до школы сходыты.

А Пазына вчула, до школы махнула,

Наварыла варенычкивъ, щобъ челядь не чула.

Какъ пойихавъ же Охримъ за Вилью по хмилъ,

А не купывъ хмелю, да купывъ ячменю,

А за цилыхъ симъ копъ—тыльки изо жменю.

Самъ соби здывовався: якъ я вторгувався!

Не йихавъ додому,—жонкы побоявся;

Зайихавъ же й Охримъ до тещи у гости.

Тёшенька же зятя прышанувала:

А дубовымъ же прачемъ окатувала, усю ёму спыну измалювала.—

„Оце тоби, сыну, осе тоби плата: по середыви спыны та й сынная лата“.

Якъ почавъ же зять же отъ тещы тикать,

Не попавъ туды, куды люде ходять, а попавъ туды, куды гуси лазять.

„Щасте твое, скурвыи сыну, шо ты живо втрився:

„Дала бъ тоби гостынчыка,—симъ годъ бы носывся!“

— „Ой спасыбу, тёщынъко, ой спасыбо, матинка,

„Якъ живъ буду, то я й не забуду; де не побачу,—тоби лаской оддячу“.

Якъ прыбигъ же зять же отъ тёщы додуму,

Да заколовъ комара и наклавъ же сала;

А заризавъ же Охримъ курыцю-квочку, насолывъ же мъяса цилую бочку:

Шо на корхъ не повна, а на дни чортма ничего;

И солому сиче, и пероги пече, ахъ, сино смаже, да перожкы маже,

Говъядыну варыть да й дубыну парыть.

Жонка пытае: „на що?“—„Се все для тёщы для ласковойи, для пры-

Якъ пошовъ же зять же тёщы звать у гости, [витлывойи!“

Тёщы зваты въ гости до себе у гости:

— „Прошу тебе, тёщо, прошу и матыно, прошу тебе въ гости на хо-

— „На якый, сыну, день?“—„На святу недилу“.— [лозыну“.

— „Охъ ни въ чому, сыночку, ни въ чому, зятю,

„Охъ ни въ чому не пойты, ни въ чому пойихать:

„Шо мужъ у громади, а кобыла въ стади,

„А хамуть у стриси, а дуга у лиси,

„А вуйжки на лыпи ще й доси не звыты,

„Черевычкы у шевця, а юпочка у кравця,

„Сорочка у прачкы, очипокъ у швачкы,

„А платочокъ у краму, якъ хто купыть, то й тому“.
 — „Пойды, тѣщынко, у вышневы садочокъ,
 „Вывы лопушину и прыпны, матинко, хотя й хвартушину“.—
 Пошла тѣшенька въ вышней садочокъ,
 Вывала тѣшенька ажъ тры лопушыны,
 Прыпъяла споднычину а ще й хвартушину.
 Окукоблюеца и осматруеца, сама соби удывляеца;
 Хмелыною пидперезалась:—„Пфу, пекъ ёго ма, якъ я прыбралась!“
 Прививъ зять тѣщу до себе додому, посадывъ тѣщу хороше на лавци:
 До стины очыма, на хату плечыма, щобъ моя тѣща мухы поличыла.
 Наличыла тѣща тысячу и двисти,—теперь пора дать тѣщи уже йсты.
 Дававъ зять тѣщи первую потравку, пиднявши за ножкы да мордой
 И пыва корецъ—и оглобли конецъ. [объ лавку;
 Сорока: чечече!—то зять тѣщу сиче тонесенькымъ концемъ—оглоб-
 Тепера тоби, тѣщынко, хотъ сядь да й плачъ: [лею концемъ.
 — „Оце тоби, матинко, за дубовый прачъ!
 „Охъ вы, хлопци, прывдады молодци, пойдите въ лисочокъ, нарвите
 „Нарвите вы зилья тѣщи одъ похмилля— [вы зилья,
 „Дубыночки и свидыночки, колькойи, тонкойи шпышыночки“.
 Тѣща того и не дождала, окномъ дверы зятю показала,
 Половина на двори, а половина въ хати.
 — „Охъ ты, сыну Грыцю, подай ты тупыцу
 Надтесать тѣщи прокляту гузныцу“.—
 Якъ вырвеца тѣща да скокомъ да бокомъ,
 Оглянеца—тѣща тыльки зъ однимъ окомъ.
 Якъ прыбигла тѣща изъ ляку додому:
 „Охъ диточки, диточки, избырайте трисочки,
 „Нагрійте окропу, хотъ попару я ж..
 „Тикайте съ пемы, хотъ попару я племы,
 „Во зятеве пиво у ногы вступыло,
 „А зятывъ же медокъ очень-дуже солодокъ“.
 Шо сучечка брехне, такъ тѣшенька й зихне:
 „Охъ мыни лыхо: изновъ зять иде!“
 Шо витерець загуде, тѣща дума: зять иде;
 Шо курыця кыркне, дакъ тѣшенька й кыркне:
 „Сини запырайте, синьци замыкайте,
 „Проклятого зятя въ хату не пускайте!“

А. Н. Малинна.

